

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ
ТОМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ВОПРОСЫ ИСТОРИИ,
МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ
И ДОКУМЕНТОВЕДЕНИЯ**

Сборник материалов XI Международной
молодежной научной конференции
(Томск, 08–10 апреля 2015 г.)

Выпуск 11

Т. 1

Научный редактор А.Н. Сорокин

Томск
Издательский Дом Томского государственного университета
2015

В.Ю. Русанов

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ 1917 г. ГЛАЗАМИ ТОМСКОГО СТУДЕНТА

На основании дневника студента горного отделения Томского технологического института (ТТИ) П.А. Леонова реконструируется восприятие молодым человеком революционных событий 1917 г. в России и Сибири.

Ключевые слова: Февральская революция 1917 г., Сибирь, Томск, студенчество.

Февральская буржуазно-демократическая революция положила начало коренным изменениям в жизни России, которые происходили на протяжении 1917 г. и завершились приходом к власти большевиков в октябре того же года. Революция привела к небывалому всплеску политической активности всех слоёв российского общества. Особенно это проявилось в среде молодых людей, оказавшихся на пороге новой России и живших ожиданиями перемен. Одним из таких молодых людей являлся студент горного отделения ТТИ Пётр Алексеевич Леонов. От него остался дневник, найденный школьниками в томском Заисточье. Интерес представляют личные переживания и оценки человека, переживавшего за судьбы России и Сибири. Авторство дневника было установлено профессором ТГУ С.Ф. Фоминых.

Несколько биографических сведений об авторе дневника. П.А. Леонов родился 10 августа 1898 г. в с. Мытненском Крестецкого уезда Новгородской губернии. Его отец, Алексей Арианович, был надворным советником. Он окончил Уфимское землемерное училище. В начале января 1899 г. его назначили топографом низшего оклада Томского поземельного отряда, а через 10 лет – производителем работ Томского поземельно-устроительного отряда Переселенческого управления [1].

П.А. Леонов получил среднее образование в Томском Алексеевском реальном училище, в котором обучался с 1908 г. На основании его аттестата можно сделать вывод о том, что у него уже тогда стали проявляться способности к техническим наукам [Там же].

После окончания училища (1915 г.) он поступил на горное отделение Томского технологического института, в котором проучился с перерывом до 1924 г. В годы Гражданской войны (1918–1919 гг.) П.А. Леонов был призван в Белую армию и служил чертёжником в учебном автодивизионе в Томске. С 1920 г. он работал десятником, а затем горным техником угольных рудников. По окончании института устроился на Кемеровский рудник, где прора-

ботал до 1930 г. В 1930 г. он был переведён трестом «Кузбассугль» на Прокопьевский рудник, где и проработал до 1938 г. [2].

В 1940 г. П.А. Леонов перешёл на работу в ТИИ (Томский индустриальный институт) ассистентом, а в 1941 г. был утверждён ВКВШ (Всесоюзный комитет по делам высшей школы) в звании доцента кафедры разработки пластовых месторождений. В 1943 г. он защитил диссертацию «Предупреждение подземных эндогенных пожаров методами изоляции и заиливания при разработке мощных пластов Прокопьевского района Кузбасса» на ученую степень кандидата технических наук [Там же]. В 1951–1961 и 1962–1964 гг. П.А. Леонов заведовал кафедрой техники безопасности и рудничной вентиляции ТПИ (Томский политехнический институт) [3].

Прежде чем говорить о реакции П.А. Леонова на события Февральской революции и на их отголоски в Томске, необходимо выяснить, какие у него были настроения накануне революции. Анализ содержания дневника позволяет прийти к выводу, что перед революцией у П.А. Леонова было желание, как он пишет, «унормализовать жизнь» [4. С. 1], сделать что-то полезное обществу, как он пишет: «служить другим, обществу» [Там же. С. 17]. Рефреном в его дневниковых записях звучит фраза: «Ближе к делу, поменьше слов» [Там же. С. 1 об.]. По сути, эта фраза относится не только к нему, но и ко всем неравнодушным к судьбе России молодым людям в столь тяжёлое для неё время.

Особенно следует, на наш взгляд, отметить его любовь к Сибири. Вот лишь несколько дневниковых записей, характеризующих его отношение к Сибири и к сибирякам: «Раз Сибирь меня вспоила, вскормила, то я должен ей вечно служить. Сибирское – Сибири» [Там же. С. 35 об.]; «На Сибирь смотрят как на какого-то раба, высасывают из неё ради разных ненавистных центров – Петербурга и Москвы... Большая часть продуктов идёт в действующую армию. Мы сидим без масла... чиновникам все равно – голодай Сибирь, лишь бы нам насытить армию и брюхо... А что страна получает за все свои лишения. Ей даже земства не дают пугёвого. Да не забудет Сибирь своего отчима, свою мачеху. Когда она почувствует силу, плохо будет им» [Там же. С. 66–66 об.]. Из них можно сделать вывод, что П.А. Леонов явно симпатизировал сибирским областникам, идеологом которых были Г.Н. Потанин и Н.М. Ядринцев.

29 января (здесь и далее по старому стилю) в дневнике П.А. Леонова появляется весьма интересная запись: «Вечером были у меня П. и Окт. (Пупсик и Октябрист, друзья П. Леонова. – В.Р.). Говорили вначале о предстоящих собраниях, а потом перешли на общее. На надвигающуюся революцию» [Там же. С. 33 об.]. Впервые в его дневнике появляется слово «революция», что весьма примечательно. Днём позже он пишет об ухудшении в снабжении

Томска продуктами питания: «Беспорядки и разруха растут. У нас в Томске, который мукой снабжает даже Восточную Сибирь, нет муки... Это происходит в Сибири, в стране хлеба и мяса. Народ очень возбуждён. Надо искру, чтобы только зажечь пожар. Кажется, уже были столкновения с народом» [Там же. С. 34–34 об.].

Насколько верны наблюдения П.А. Леонова, можно судить по информации в газете «Сибирская жизнь», издававшейся в Томске [5]. Так, по мере приближения к революционным дням риторика статей и их характер всё более революционируются. Приведём лишь некоторые сообщения из январских номеров газеты: 4 января: «Недостаток угля в Томске принял острый характер. Между прочим, нужду в угле испытывают томские мельницы и даже такое учреждение, как водопровод»; 5 января: «Служащие в управлении дороги (Томская железная дорога. – *В.Р.*) жалуются, что вот уже второй месяц на складах станций Томск I и II нет ни дров, ни керосина»; 17 января: «Как известно, в настоящее время на томском рынке наблюдается отсутствие табаку»; 19 января: «В последнее время в городе стали наблюдаться многочисленные случаи воровства, причём нередко преступления совершаются днём...»; 28 января: «Недостаток выпеченного хлеба в Томске продолжает ощущаться весьма резко». Но, несмотря ни на что, П.А. Леонов не теряет оптимизма, верил в то, что всё образуется и изменится в лучшую сторону: «Нечего печалиться, а лучше продолжать дело и устранять препятствия» [4. С. 42].

13 февраля в дневнике П.А. Леонова появляется еще одна интересная запись: «Что-то ходит слух и пришли вести, что рабочие хотят устроить демонстрацию перед Зимним дворцом и Думой. Не знаю, что это даст. Выкатит правительство пулемёты, и все долой. Надо сказать, что мы накануне больших событий».

Далее следуют записи, собственно относящиеся к Февральской революции. 28 февраля П.А. Леонов отмечает, что Дума распущена [Там же. С. 76]. Газета «Сибирская жизнь» также указывает на это. 2 марта: «Государственная Дума сместила старое правительство и учредило Временное из своих членов. В Петербурге произошёл переворот. Войска на стороне Думы... Наконец-то проснулись! Мы вздохнём посвободнее» [Там же. С. 78 об. – 79]. Другая томская газета «Утро Сибири» так поясняет откуда он мог узнать эту новость: «...с утра в городе почти все знали о событиях, происшедших в Государственной жизни. Но знал по слухам... Всем было известно, что у томского губернатора происходит совещание. Но что за совещание – никому не было известно... Только в три часа дня стало известно, что телеграммы о происшедших событиях отосланы в редакции» [6. 3 марта]. Из этого сообщения можно сделать вывод, что томские власти намеренно хотели скрыть от граж-

дан известие о революции, видимо, боясь за последствия или ожидая, что это временно.

Затем П.А. Леонов подробно описывает, где и как он узнал о революции. «На Почтамтской (ныне проспект Ленина. – *В.Р.*), – пишет он, – заметно было большое оживление. Во многих местах стояли кучки народа, главным образом молодёжи и, кажется, обсуждали слух... Подходим (с октябристом. – *В.Р.*) к редакции. Стоит огромная толпа. Кое-где белеются телеграммы. Мы подходим к одной группе и жадно слушаем чтение. Наконец-то сомнения развеялись. Подъем громадный. Глаза прямо не верили печатному: «Исполнительный комитет», «Арест министров». Как это звучало хорошо и приятно» [4. С. 80–81].

3 марта в 1-й аудитории ГТИ состоялась общевузовская сходка, которая собрала до 2 тыс. студентов. Резолюция, принятая на сходке, содержала поддержку Временного правительства [7. С. 107]. Вот как характеризует П.А. Леонов настроения, царившие у участников сходки: «Ораторов можно будет разбить на две части: 1) деловую; 2) ярко революционно-беспрактичную» [4. С. 87]. Одни, как он пишет, призывали к спокойствию и организованности. Другие же, по его словам, были «ярыми и буйными», высказывались «сильно, страстно, горячим тоном» [Там же. С. 87–88 об.].

После сходки П.А. Леонов, по дороге домой, увидел почти полностью запруженную народом Почтамтскую улицу. По ней в то время проходили маршем войска, перешедшие на сторону Временного правительства. «Да, это сила, это опора Временного правительства! – писал он. – Мне в этот момент было очень хорошо. Хотя я и не кричал ура, не говорил пламенных речей, но в душе, внутри я был потрясён неожиданным счастьем до крайности. Не верилось, что это всё происходит... поражает та организация, тот порядок, который мы наблюдаем в нынешней революции» [Там же. С. 91 об. – 93].

5 марта П.А. Леонов отправился на Соборную площадь. Там он встретил томичей, обсуждавших последние известия и делившихся мнениями. «Митингов на открытом воздухе не было, – пишет П. Леонов. – Зато солдаты, разбившиеся на небольшие кучки, просвещались штатскими... Один солдатик довольно хорошо говорил о своих заблуждениях в былое время. «Мы раньше не дорожили, не сохраняли тех политических, которые нам все хлопотали». «Их притесняли». «Мы молчали или даже сами шли против». Это было раскаяние крестьянина, наконец, узнавшего всю правду. Старый ратник так выразился о настоящем дне: «Это праздник, наконец-то наступило настоящее воскресенье, настоящий праздник» [Там же. С. 97 об. – 98 об.].

8 марта состоялась очередная студенческая сходка в главном корпусе института, которая уже не произвела сильного впечатления на П. Леонова. Он

отмечает «громоздкость», «бесполезное словословие», а также ярко выраженную партийную агитацию, которую посчитал «неуместной» [Там же. С. 103 об.]. Ему не понравилось и «увлечение студенчества политикой». Вот как он объяснил это: «Я – горяк, сибирский трудовик – вот моя программа... Мы должны при выработке своих убеждений опираться на действительно интересы родной страны. Я не должен слепо следовать программе той или иной партии и закрывать глаза на местные нужды» [Там же. С. 104 об.].

10 марта в Томске состоялось массовое шествие, посвященное революции, которое «Сибирская жизнь» назвала праздником революции [5. 12 марта], «Утро Сибири» – праздником свободы [6. 12 марта], а П.А. Леонов – «новым национальным праздником, установленным на все времена» [4. С. 107].

Вот как описывает П.А. Леонов то, что происходило в Томске: «Народ... стекался со всех концов города. У большинства имелись красные ленточки и цветочки... На набережной [р. Ушайки] я встретил уже толпы праздничного народа. Некоторые здания были украшены красными флагами. Особо постарался Второв. Главный фасад магазина весь в флагах... Толпа становилась гуще и гуще. Появилась партийная манифестация, чуть ли не с десятком флагов... В число манифестантов входила главным образом молодёжь. Она... ходила среди публики и собирала деньги на партию социал-революционеров. Партия эта теперь модная... Подошли войска. Я начинал чувствовать радость великого счастья и чуть было не заплакал, но сдержался» [Там же. С. 107–108].

Далее следует описание парада местного гарнизона на Соборной площади: «Кругом войска. Десятки, если не сотни, флагов колыхались в воздухе. Высоко над Управлением [Томской железной] дороги развевался багряный флаг. Играла музыка. И войска стройными рядами проходили мимо Губернского управления, мимо представителей Временного комитета. Здесь они останавливались. Говорилась речь. Знамёна склонялись. Музыка играла Марсельезу. Ура... Церемония продолжалась часов 5. Прошло около 70 тысяч солдат. Да, эта революционная армия. Оплот Временного комитета» [Там же. С. 109–109 об.]. В дневнике П.А. Леонов оставил и описание вечернего Томска: «На Почтамтской кое-где иллюминация. Особенно красиво было у Второва. В окне ярко горела из цветных красных лампочек надпись, слово: “Свобода”» [Там же. С. 111 об.].

Таким образом, судя по дневниковым записям, события Февральской революции были встречены студентами и местным обществом с большим энтузиазмом. Свержение царя вселило в людях веру и оптимизм в будущее страны. Однако придёт какое-то время и у молодого человека наступит разочарование. Его начнут беспокоить возникшее «двоевластие», соперничество между Временным правительством и Советом рабочих и солдатских депута-

тов и возможность возвращения «старой власти» [Там же. С. 149], «дезертирство» солдат, «разбой» [Там же. С. 157 об.] и пропаганда войны интеллигенцией, которую, по мнению П.А. Леонова, не понимали солдаты [Там же. С. 171 об.], а также угроза голода [Там же. С. 172]. Надежды молодого человека на грядущие на коренные изменения не оправдаются. Революция набирала ход.

Литература

1. Государственный архив Томского области (ГАТО). Ф. 876. Оп. 3. Д. 376.
2. ГАТО. Ф. 816. Оп. 3. Д. 376.
3. Леонов Пётр Алексеевич // Электронная энциклопедия ТПУ. URL: http://wiki.tpu.ru/wiki/Леонов_Петр_Алексеевич, свободный (дата обращения: 26.02.2015).
4. Дневник студента Леонова П.А. // Музей истории ТГУ.
5. Сибирская жизнь (Томск). 1917.
6. Утро Сибири (Томск). 1917.
7. Томский технологический институт за 25 лет существования. Томск, 1928. 173 с.